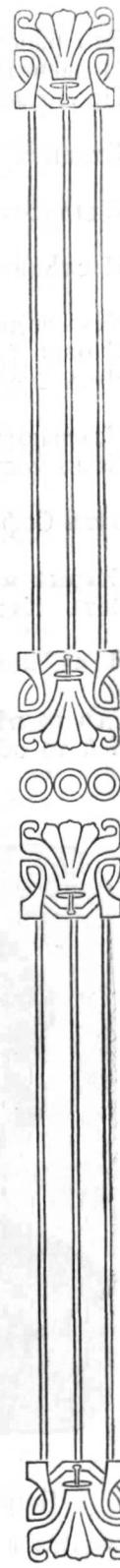
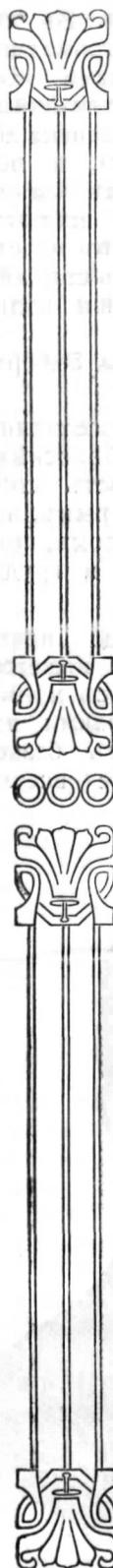

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 30-го Декабря 1912 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11172.

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

Э й ю б ъ

(Путевой очеркъ).

Отъ нового мesta курсируютъ по Золотому Рогу быстрые и юркіе пасажирскіе парходики, и нужно быть юркимъ и быстрымъ, потому что Золотой Рогъ—та же восточная улица. На ней смѣшаны въ одну пеструю криклившую массу люди и животныя—хаммалы, торговцы левантинцы, европейцы и ослы, лошади, буйволы.

Одна минута праздного размышления въ такой сутолокѣ и—разносчики

бараныхъ тушъ обмажутъ васъ кровью, продавецъ лимонада обольетъ водой; шекерчи сыплютъ своими разноцвѣтными марафетами, а буйволъ наступитъ вамъ на ногу.

Я думаю, что именно поэтому на улицахъ Александрии и Каира всегда кричатъ:

— Эвца риглекъ! (Береги свою ногу).
Золотой Рогъ отличается еще большей сутолокой. Почти не видно воды. Пестрое безконечное мѣсиво лодокъ, пароходовъ, барокъ, катеровъ и старыхъ парусныхъ судовъ съ ихъ поэтичной оснасткой, которую они носили

еще во времена Колумба. Ясно поэтому, какъ внимательны должны быть лодочники—каючки, чтобы не попасть подъ пароходъ или барку. Не потому ли они такъ ужасно кричатъ и неустанно сражаются веслами не только съ водой, но и со своими плавающими сосѣдями. Трудно понять, почему, собственно, не переворачиваются эти легкія скорлупки, захваченные волнами отъ парохода, который проходитъ не далѣе сажени отъ ихъ борта!

Но зато какъ прекрасенъ Золотой Рогъ, особенно въ часы заката—магреба, когда на воды падаютъ

прощальная солнечная луна, бегающая в пурпурѣ, точно азиатская девушка в туннике.

Словно древняя сабля Каруфа, Corne d'or разъезжает столицу; Пороходики кашляют глухо, И скользить каюковъ вереница. Разноцвѣтны, покрыты,

коврами,— Это бабочки, павшія въ воду, И звенятъ каючки голосами,

Проносясь подъ бортомъ парохода.

Сходитъ въ лодку въ чаргафѣ зеленої Одалиска; къ подушкамъ склонилась,

И слѣдитъ ея взоръ утомленный,

Какъ вода отъ руля заструилась. Словно скованы дремою лѣни,

Чуть скользятъ неуклюжія барки;

Исчезаютъ, какъ черныя тѣни, Подъ мостомъ въ неподвижныя арки.

Вотъ Софійскій приземистый куполъ;

Старый мохъ—ея древній ризы;

Вотъ Касимъ-Паши выгнутый уголь,

И на немъ въ черномъ синѣ кипарисы.

Гдѣ то пѣсня гребца угасеть,

Чей то образъ мелькнулъ,

словно птица;

А. К. Погорелько,
харьковский городской голова.
† 24-го декабря.

Петръ Викт. Гурьевъ,
назначенный управляющимъ канцелярией
Свят. Синода.

Въ тепломъ воздухѣ золото таетъ, И чужія плывутъ мимо лица.

Именно въ такой чась магреба, когда Софія уже покрывается сиреневыми вуальми, а черные кипарисы Касимъ-Паши засыпаютъ, я спустился съ товарищемъ съ Нового моста и сѣлъ въ лодку, чтобы отправиться въ Эйюбъ.

Удивительно быстро и какъ то ожесточенно работалъ наша лодочница. Остроносый какъ летѣль, какъ стрѣла, съ ловкостью какой-то танцовщицы, отскакивая въ сторону отъ пароходовъ и барокъ.

Мѣстечко Эйюбъ славится старинной глубоко почитаемой мечетью—джами Эйюбъ. Здѣсь коронуются сул-

магребъ—часть молитвы. Прощелъ день, уже рождается новый. Совершается великое таинство, и мнѣ кажется, что люди, которые сейчасъ, какъ сѣрыя тѣни, скользятъ въ мечети, понимаютъ это таинство.

Иду и я. Надъ входомъ приподнята тяжелая черная завѣса изъ буйволовой шкуры. Въ полумракѣ мечети подъ громадными прихотливыми сводами кое-гдѣ горятъ простыя стеклянные лампады. Откуда то издалека доносится голосъ муллы, и всѣ молятся, вытянутые въ одинъ рядъ, и одновременно встаютъ. Я слышу ихъ шепотъ въ мечети и такой же шепотъ подъ старыми деревьями и въ журчаніи воды, и въ полетѣ голубей:

— Алла Экберъ! Алла Экберъ! (сокращеніе Богъ).

Вотъ старый сѣдой поселянинъ въ сѣромъ рубищѣ и бѣлоснѣжной чалмѣ сбрасываетъ свои пыльные туфли и, быстрымъ, почти сокрушеннымъ жестомъ, прижимая руки къ лицу и груди, входитъ въ мечеть.

Мы уходимъ отсюда почти умиrottворенные. Мнѣ кажется, что я молился рядомъ съ моимъ товарищемъ, подъ древними деревьями, недалеко отъ безкочечныхъ гробницъ. Не все ли

Новый швейцарский президентъ Мюллеръ.

равно, какія слова и чей храмъ, если одинъ Богъ?

Теперь мы на пестрой улицѣ поселка. Бредутъ мимо, возвращающіеся съ работы усталые ослики и ихъ подводы. Меланхолично звенятъ колокольцы, и что-то успокоенное слышится въ степенномъ говорѣ людей.

Но странно, листва этихъ деревьевъ, точно мертвая—безъ шелеста.

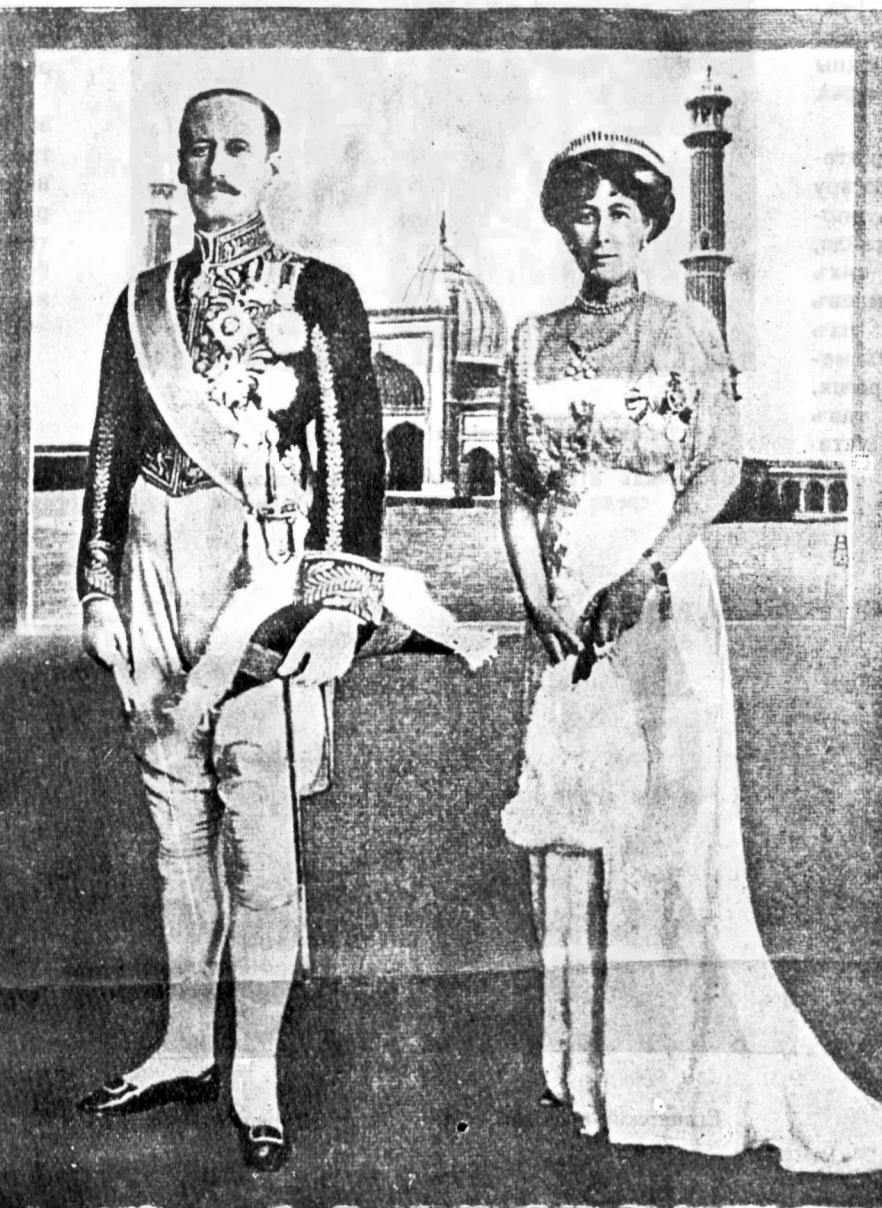
Журчить сонную пѣсню вода въ бассейнѣ.

Плавно шумятъ крыльями голуби, которыхъ здѣсь такъ много.

Проливаетъ слабый желтый свѣтъ фонарь, между двумя бѣлыми памятниками.

ПОКУШЕНИЕ НА ВИЦЕ-КОРОЛЯ ИНДІЯ.

9 декабря, во время торжественного вѣзда вице-короля въ городъ Дели на празднество провозглашенія новой столицы Индіи въ процессіи была брошена бомба съ крыши дома. Вице-король лордъ Гардингъ тяжело раненъ, а служитель, державшій надъ нимъ зонтикъ, убитъ. Гардингъ лежалъ на слонѣ въ башнѣ. Изъ толпы ранено 13 человѣкъ. До назначенія на этотъ высокій постъ, лордъ Гардингъ былъ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ, где онъ пользовался особыми симпатіями.

Вице-король Индіи лордъ Гардингъ съ супругой.

Топъ-капу и стальные отблески Мраморного моря!

Я сажусь верхомъ на окно. Оно въ пятомъ этажѣ, и потому понятно, что я немного чувствую себя авіаторомъ.

Кажется, что высоко надъ городомъ несется меня эта ароматичная левантійская ночь. Я пою:

Бѣлые, блѣдные нѣжно-душистые
Грезягъ ночные цветы...

Съ лаской небесной лучи серебристые

Шлетъ имъ луна съ высоты...

И опять что-то забормотаъ утомленный каючки.

Черныя колонны превращаются въ обыкновенные арки моста, а лампады, —просто ряды фонарей.

Опять жизнь, опять реальность, шумъ толпы, пастры для лодочника и сбычные слова. Мы сходимъ на берегъ.

Дома мой товарищъ садится писать. Это меня удивляетъ и возмущаетъ. Вѣдь, сейчасъ такъ хорошо пѣть, гулять на террасѣ и смотрѣть оттуда на Босфоръ, Анатоліи ковакъ,

Открытие японского профессора.

Извѣстный своими работами въ области этнографіи японскій профессоръ токийского университета Тори-и, совершая въ этомъ году для изученія жизни сибирскихъ инородцевъ поѣздку по прямурской области, Сахалину и сѣверу острова Хокайдо (населенія айну), случайно натолкнулся вблизи японскаго города Отару (Хокайдо), у деревни Темія, на очень интересную надпись, выѣченную на скалахъ. Сначала профессоръ подумалъ, что это старинные письмена айну, но, присмотрѣвшись къ надписямъ, долженъ быть прийти къ заключенію, что онъ сдѣланы старинными турецкими буквами.

Занинтересовавшись неожиданнымъ открытиемъ, профессоръ принялъ за разборъ надписей.

Оказалось, говорить „Г. М.“, что найденные у деревни Темія надписи по своему начертанію имѣютъ много общаго со надписями, найденными въ 1890 году въ Монголіи, въ долинѣ реки Орхона, экспедиціей японскаго научнаго Общества Фыно Огурія.

Экспедиція эта, между прочимъ, первая установила въ Монголіи слѣды пребыванія здѣсь когда то турецкихъ племенъ. Ею найдены были развалины турецкихъ замковъ и могилы, на плитахъ которыхъ съ одной стороны (левой) имѣлись надписи на турецкомъ языке, а съ другой (правой)—китайскими иероглифами. Эти надписи, вѣроятно, относятся къ VII—VIII вв. по Р. Х.

Комачированная спустя немного времени въ Монголію экспедиція отъ русской академіи наукъ подтвердила открытия, сдѣянныя экспедиціей Фыно Огурія, и точно установила пребываніе въ Монголіи турецкихъ племенъ.

Найденные сейчасъ профессоромъ надписи выѣчены на внутреннихъ стѣнахъ естественной пещеры, находящейся на берегу моря.

Въ 1878 г. возлѣ этой пещеры производились изысканія для проложенія здѣсь полотна новой желѣзодорожной линіи. Тогда же въ пещерѣ произведены были раскопки, и, между прочимъ, было найдено нѣсколько человѣческихъ скелетовъ.

Занинтересовавшись своимъ открытиемъ, профессоръ стала разспрашивать местныхъ жителей, не известно ли имъ че-го либо о выѣченныхъ въ пещерахъ надписяхъ. Одни изъ этихъ жителей высказали профессору свое предположеніе, что эти надписи сдѣланы людьми, жившими въ каменномъ вѣкѣ; другие полагали, что надписи сдѣланы неизвѣстными людьми, занесенными сюда морскими волнами.

Ал. Станкевичъ.

Однако, по утверждению профессора, и первое, и второе предположение неверны.

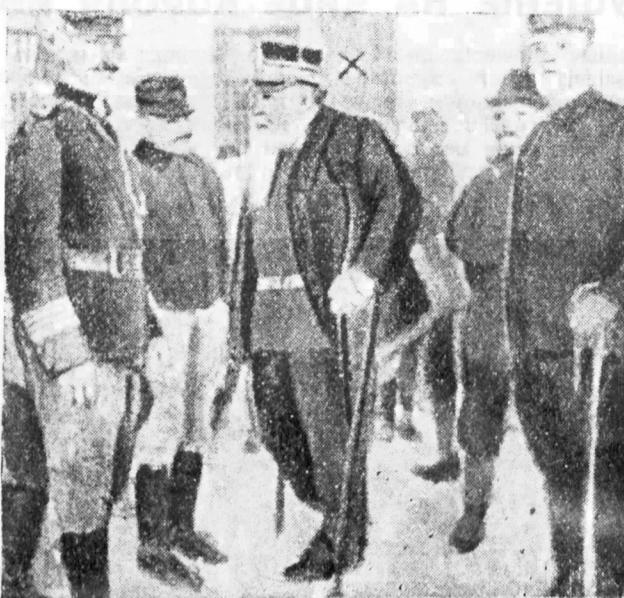
Пещера представляет собой древнюю могилу, надписи же сделаны внутри нее, несомненно, или на турецкомъ языке, или на какомъ-нибудь родственномъ ему.

Разъ нашлись надписи на старинномъ турецкомъ языке у деревни Темия, то, несомненно, онъ должны быть и на Сахалинѣ, въ Приморье и въ Манчжурии.

Находка профессора слишкомъ интересна: вѣдь, она открываетъ новую эру въ изученіи происхожденія какъ иностранныхъ острова Сахалина, Хокайдо, такъ и самихъ японцевъ. До сихъ поръ ученые, изучая жизнь туземцевъ Хокайдо и Сахалина, считали ихъ какъ бы за самостоятельный племенна. И несмотря на всѣ старания, какъ японскихъ ученыхъ, такъ и европейскихъ, точно не установлено и по сей день, кто является родоначальникомъ не

ЮЖНЫЙ КРАЙ.

Воскресенье 30-го декабря 1912 года.

Генералъ Риччиоти Гарibalди. (X),

во́ждь итальянского отряда добровольцевъ, среди своихъ офицеровъ въ Аениахъ.

Легендарный храбрецъ
«Дядо Илю Войвода».

Египетский принцъ
Ахмедъ-Фуадъ-паша.

Турецкий генералъ
Шукри - паша.

«Повстаница» Екатерина
Арнаудова.

только племени тайну, но даже и самихъ японцевъ.

Высоченные на скалахъ пещеры надписи профессоръ еще не прочиталъ полностью. Изъ старинныхъ турецкихъ словъ онъ смогъ узнать смыслъ 5—6 словъ. Поэтому профессоръ не можетъ дать окончательного отвѣта, сдѣланы ли это надписи на турецкомъ языке, или это тунгускія слова, но лишь начертанныя старинными турецкими буквами.

Изъ работъ Радлова видно, что подобные буквы когда то употреблялись и въ Монголіи. Нынѣшніе монгольскіе іероглифы созданы сравнительно недавно, въ старину же въ Монголіи употреблялись для письма старинная турецкая буквы. Возможно, что монголы и занесли ихъ на островъ Хокайдо. Сношенія въ старину между монголами и населеніемъ сююза Сахалина уже точно установлены. Свѣдѣнія объ этомъ можно найти даже въ старинныхъ японскихъ книгахъ.

Не такъ давно известный японскій изслѣдователь Риндзо Мамія нашелъ на островѣ Сахалинѣ развалины старинного замка, который мѣстные жители имѣютъ «Чанъ». Замокъ этотъ съ трехъ сторонъ обнесенъ высокую плотиной.

До сихъ поръ неизвѣстно, кѣмъ и когда былъ онъ построенъ.

Въ сочиненіи Риндзо Мамія объ немъ сказано: „Разсматривая постройку замка „Чанъ“, приходишь къ заключенію, что построены онъ не туземцами Сахалина“.

Въ сочиненіи другого японскаго изслѣдователя острова Сахалина Кондо Дзюго упоминается также о замкѣ „Чанъ“.

— На юго-западной оконечности острова Сахалина,—читаемъ мы у К. Дзюго,— найдены на холмѣ слѣды старинного замка. Передъ замкомъ до сихъ поръ сохранились слѣды отъ бывшихъ здѣсь когда-то огромныхъ воротъ, величиною болѣе 100 квадратныхъ саж. По словамъ мѣстныхъ жителей, этотъ замокъ былъ выстроенъ въ старину, когда Сахалинъ былъ завоеванъ „ребургурями“.

Посѣтивъ лѣтомъ этого года островъ Сахалинъ, профессоръ Тори и осматривалъ развалины замка „Чанъ“. Постройку замка онъ нашелъ очень схожей съ тѣй, которую онъ встрѣчалъ у развалинъ старинныхъ замковъ, найденныхъ въ Манчжурии, съверной Кореѣ и въ Монголіи.

На языкѣ туземцевъ „ребургуръ“, по словамъ проф. Тори-и, значить „иностраниѣ“, и потому понятно, что замокъ построенъ какими то пришельцами на островѣ. Хотя еще и неизвѣстно, когда и кѣмъ именно построенъ замокъ „Чанъ“, однако, проф. Тори-и все же видѣть нѣкоторую связь между замкомъ и найденными имъ у деревни Темия старинными надписями.

Весь ученый міръ Японіи и все японское общество сейчасъ заинтересовало открытие Тори-и. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ, когда профессоръ окончательно будетъ прочтены тексты найденныхъ надписей, и точно будетъ установлено пребываніе турецкихъ племенъ на островѣ Хокайдо.

Отчего?

Отчего мое сердце такъ радостно бѣется?
Отчего это все посвѣтлѣло вокругъ?
Отчего все трепещетъ и звонко смѣется,
И душа все куда-то такъ весело рвется?
Отчего? Ты не знаешь, мой другъ?..

Оттого ль, что веселыми солнца лучами
Заливъ городъ и море, и скалы вокругъ?
Оттого ли, что ты голубыми очами,
Какъ лазурными, полными счастья
мечтами,
Озарила меня, милый другъ?..

Леонидовъ,

